

ЭО, 2014 г., № 2

© М.Г. Матлин, Е.В. Сафронов

**КЕНОТАФЫ КАК ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ
ОБЪЕКТИВАЦИИ ПАМЯТИ О ПОГИБШИХ**

Ключевые слова: современная поминальная обрядность, сакрализация пространства, памятные знаки, кенотафы, мемориалы.

Целью данной статьи является расширение круга источников, уточнение типологии кенотафов, выявление в них конфессиональной и региональной специфики, некоторых особенностей представлений и поминальных практик, а также анализ факторов, обусловивших качественно новый этап в развитии данной традиции именно в середине 90-х годов XX в. Статья основана на полевом материале, собранном авторами во время трех экспедиций в июле и августе 2013 г.

В современной культуре существует многообразие таких форм объективации памяти о погибших, в которых наряду с традиционными представлениями о связях мира живых с миром мертвых и соответствующими практиками воплощается и особое отношение к месту гибели. Такие формы могут быть официальными и частными, светскими и религиозными, фиксировать память о жертвах военных событий, стихийных бедствий, техногенных катастроф и т.д. Соответственно, существующие практики обусловлены как государственными, политическими, конфессиональными, культурными традициями, так и их соединением, переплетением. Особое отношение к месту гибели, в свою очередь, формируется как традиционной мифологической, религиозной семантикой (водоемы, дороги, леса и т.д.), так и вследствие сакрализации этого пространства или локуса в результате сознательных и целенаправленных действий государства, определенной социальной или конфессиональной группы и даже отдельного человека¹. Это, например, мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде, памятники и памятные знаки на Бородинском поле, крест около Императорского моста в г. Ульяновске (место крушения в 1983 г. теплохода “Александр Суворов”), памятный знак в г. Ульяновске возле здания, в котором в период сталинских репрессий располагалось НКВД и в подвале которого расстреливали и пытали. Особое значение в последние два десятилетия в современной похоронно-поминальной традиции приобрели памятники и памятные знаки, устанавливаемые на местах гибели людей в автокатастрофе. Для обозначения таких памятников давно уже используется термин кенотаф (Соколова, Юдкина 2012: 138). Наиболее подробно этот пласт современной поминальной традиции рассмотрен в статье А. Соколовой и А. Юдкиной “Памятные знаки на местах автомобильных аварий”. В ней на большом и разнообразном материале были сформулированы основные подходы к изучению этой традиции, даны предварительные выводы о причинах ее возникновения и некоторых ритуальных практиках, связанных с ними, а также предложена классификация кенотафов (Там же).

Целью данной статьи является расширение круга источников, уточнение типологии кенотафов, выявление в них конфессиональной и региональной специфики, неко-

Михаил Гершенович Матлин — к.ф.н., доцент кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: matlin@mail.ru.

Евгений Валерьевич Сафронов — к.ф.н., независимый исследователь, Ульяновск; e-mail: nuvitarn@yandex.ru

торых особенностей представлений и поминальных практик, а также анализ факторов, обусловивших качественно новый этап в развитии данной традиции именно в середине 90-х годов XX в.

Статья основана на полевом материале, собранном авторами во время трех экспедиций в июле и августе 2013 г. Первая экспедиция проходила по маршруту Ульяновск – Казань – Йошкар-Ола – Чебоксары – Нижний Новгород – Иваново – Кинешма – Арзамас – Саранск – Ульяновск. В ходе нее обследованы отдельные участки таких трасс, как М7 “Горьковское шоссе”, Р80 Иваново – Родники – Кинешма, Р165 Йошкар-Ола – Яранск, Р174 Йошкар-Ола – Мариинский Посад – Цивильск, Р175 Йошкар-Ола – Зеленодольск – Казань, Р178 Саранск – Сурское – Ульяновск, Р241 Казань – Буинск – Ульяновск, А119 Йошкар-Ола – Яранск – Вятка (всего обследованы и зафиксированы кенотафы более чем на 500 км дорог). Во второй экспедиции (Радищевский район Ульяновской области) была обследована трасса Радищево – Верхняя Маза (14 км), а также трасса Сызрань – Ульяновск (около 100 км). В третьей экспедиции обследовалась трасса Ульяновск – Канаш (около 70 км). Всего было выявлено и зафиксировано 278 кенотафов примерно на 670 км трасс разного типа – федеральной (М7), административных (А119, А151), районных (Р80, Р165, Р174, Р178, Р241) и сельских (Радищево – Верхняя Маза). В экспедиции в Радищевском районе были собраны сведения об отношении жителей сел Соловчиха и Дмитриевка к единственному кенотафу, установленному на дороге между ними. На трассе Ульяновск–Казань авторы стали свидетелями посещения кенотафа сыном погибшего. Кенотафы, зафиксированные в экспедициях, были созданы между 1965 г. (Р178) и 2013 г. (Р178; А151). Среди них были зафиксированы кенотафы, связанные с гибелью человека в пруду (2 кенотафа возле с. Кармалей Старокулаткинского района Ульяновской области) и убийством подростка в селе на мосту (с. Ореховка, Радищевский район Ульяновской области).

Дата гибели, указанная на кенотафе, дает возможность сделать некоторые предположения о развитии этой традиции в последней четверти XX и первом десятилетии XXI в. Из 278 выявленных кенотафов 19 были зафиксированы в процессе движения или издалека, что не позволяет определить – была ли на них дата или нет. Таким образом, для статистической обработки мы использовали только 259 кенотафов. 88 из них, или 34%, не имели даты, что обусловлено рядом причин. Во-первых, надписи, таблички, фото с датами на некоторых кенотафах были утрачены или разрушены настолько, что прочитать их не представляется возможным. Во-вторых, на некоторых мусульманских кенотафах (часто только небольшая оградка с полумесяцами или без них), христианских (с крестом), светских (стела, пирамида-obelisk, беседка и др.), а также на кенотафах смешанного типа (с маркированием стел, obeliskов, табличек и т.д. крестиком или полумесяцем) вообще изначально отсутствовали как фото с датами, так и какие-либо таблички. В-третьих, у кенотафов, состоящих из цветов, венков, деталей машин или сочетания этих элементов, также очень редко есть табличка или фото с указанием даты гибели.

Мы зафиксировали 161 кенотаф с датами. По десятилетиям они распределились следующим образом: 1980-е – 5 (3%), 1990-е – 45 (28%), 2000-е – 86 (53,5%), 2010-е (2011–2013) – 25 (15,5%). Полученные результаты позволяют утверждать, что именно в 1990-е годы начинается принципиально новый этап существования данной традиции, а в 2000-е происходит резкое расширение и качественное обновление ее, по крайней мере, во всех обследованных нами регионах.

Соколова и Юдкина также отмечали, что именно в последние десятилетия “практика установки памятных знаков на местах автомобильных катастроф стала настолько распространена, что вышла за пределы тех рамок, в которых знаки на местах внезапной гибели людей существовали в традиционной культуре” (Соколова, Юдкина 2012: 138). Исследовательницы полагают, что обусловлено это “значительным увеличени-

Рис. 1. Кенотаф-вазон. Фото И.С. Павлова

ем количества личного автотранспорта” (Там же). Соглашаясь с этим утверждением, тем не менее, хотели бы заметить, что это отнюдь не единственный фактор, обусловивший новый уровень бытования традиции. Мы полагаем, что ее бурное развитие именно в 90-е годы XX в. в целом обусловлено глобальными политическими, экономическими и социально-культурными сдвигами, в ходе которых произошло перенесение в сферу частного, личного (своеобразная “приватизация”²⁾) общественных, государственных, социально-культурных традиций, в том числе и традиции наделения особым статусом (“сакрализация”) места гибели выдающихся политических, государственных деятелей, а также, иногда, и деятелей культуры. Именно эта “приватизация” и “сакрализация” в соединении с мифологическими представлениями, традиционными практиками поминовения усопших, психологически важными формами общения живых с мертвыми (посещение могил, уход за ними, вербальное – устное и письменное (в виде надписей на памятниках) общение с умершими на могилах и проч.) стали одним из факторов, обусловивших новый

уровень существования традиции поминовения погибших в автокатастрофах в местах их гибели.

Полученный в ходе экспедиций материал позволяет уточнить, расширить, а в некоторых случаях несколько иначе определить тип кенотафа. Прежде всего, хотелось бы заметить, что выделенные А. Соколовой и А. Юдиной типы кенотафов (цветы или венки; часть автомобиля; крест; памятник; мемориал) (Там же: 140–142) характерны и для обследованных нами территорий. Более того, наш материал позволяет несколько расширить данный перечень основных или доминантных типов кенотафов. Так, на трассе Р178 (Саранск–Сурское) наиболее распространенным является кенотаф, который условно можно назвать *вазоном* – уличной вазой для цветов (Рис. 1). На трассе А151 часто встречается в качестве кенотафа беседка (Рис. 2). На трассе Р241 (Ульяновск – Буинск – Казань) кенотафом с явными конфессиональными (мусульманскими) признаками является оградка (Рис. 3). На трассах Р175 (Казань–Йошкар – Ола), Р80 (Иваново – Вичуга), А151 (Ульяновск – Канаш) кенотаф представляет собой необработанный массивный камень разных пород с табличкой или фотографией, или номинальной надписью (Рис. 4).

Помимо этого встречаются креативные кенотафы, которые не входят ни в одну из выделенных групп. Например, передняя часть мотоцикла с фарой, установленная на металлической трубе (Р80); стилизованная фигура паруса с полосой из черных линий, напоминающих клавиши, на гряде камней (Р175); цветок тюльпана, вырезанный из жести с фото девочки на одном из лепестков (Р178), фигура белого лебедя на черном постаменте (вертикальный параллелепипед) с надписью *ЛЕНА* (Р241). Несколько иначе мы определяем кенотафы-цветы и кенотафы-венки. В составе сложных,

многочастных кенотафов они представляют собой часть поминальной практики, как, например, сигареты, алкоголь в бутылках, традиционные поминальные продукты – яйцо, конфеты, печенье, яблоки, посуда, используемая на поминках в качестве даров – бокалы с блюдами и т.д. Как поминальная традиция венки и цветы используются, например, в таких городских культурных практиках, как поминовение выдающихся политических, государственных, культурных деятелей, знаменитых горожан, возлагаясь к обелискам, памятникам, прикрепляясь к мемориальным табличкам на стенах домов. Не случайно также и то, что их периодически заменяют, выбрасывая устаревшие и пришедшие в негодность, повторяя тем самым действия с подобными элементами на сельских и городских кладбищах. Вполне вероятно и то, что в некоторых случаях они лишь временно выполняют роль кенотафов, о чем писали А. Соколова, А. Юдкина и что также фиксировалось нами на трассах. В функции кенотафа, как например это произошло в г. Иванове, может выступить табличка с информацией о гибели, закрепленная на одном из столбов. “Здесь 25 октября 1996 года в 23.00 Трагически погиб М.А.С. Всегда будем Помнить и Скорбеть Родственники, Друзья, Одноклассники” (Р80). А в г. Ульяновске такую функцию выполняет цветочная клумба. Один из авторов этой статьи наблюдал, как на газоне на ул. Локомотивной в г. Ульяновске на месте трагической гибели первоначально в течение нескольких лет, обновляясь, размещались искусственные цветы. Позднее там была разбита клумба с многолетними цветами. Ни табличек, ни фото, ни каких-либо других знаков никогда не было.

Однако в случае отдельного и самостоятельного использования в пространстве дороги присущая им семантика смерти актуализуется (в случае с венками) или возникает как контекстно обусловленная (в случае с цветами).

Учитывая разнообразие придорожных памятников и памятных знаков, мы предлагаем классифицировать все кенотафы по одному структурному основанию – по количеству составляющих их элементов, что позволило бы свести все многообразие существующих и возможных памятников и памятных знаков к двум основным типам – одночастным и многочастным. Под одночастными мы будем понимать кенотафы, имеющие одну семантическую доминанту и не осложненные при этом второстепенными функциональными элементами. Многочастный кенотаф может быть определен как кенотаф, обладающий одной или двумя семантическими доминантами, играющими разную роль в организации единого структурированного и оформленного сакрального пространства, и осложненный второстепенными функционально значимыми элементами.

При этом одночастные кенотафы в зависимости от типа семантической доминанты можно разделить на основные (стела, крест, обелиски-пирамидки, вазоны), функ-

Рис. 2. Кенотаф-беседка. Фото И.С. Павлова

циональные (оградка, венки, цветы, части автомобиля) и креативные. Доминанты в каждом из выделенных подтипов, в свою очередь, очень разнообразны, что, несомненно, свидетельствует о высокой степени развитости традиции, исторических изменениях в способах объективации памяти об умершем/погибшем, о конфессиональных и региональных особенностях, о взаимодействии существующей народной традиции с бизнесом ритуальных услуг и т.д.

Особенно показателен в этом отношении тип кенотафа, который мы определяем как стелу, понимая под ней плиту или узкий параллелепипед на постаменте или без него. В классификации, предложенной А. Соколовой и А. Юдиной, это типы памятника №№ 2, 4, 5 (Там же: 142–143). Наиболее типичной для эпохи 1980–1990-х годов была металлическая стела, приваренная на металлический же постамент квадратной или прямоугольной формы (тип № 4 по классификации Соколовой–Юдиной), ножки которой были или врыты в землю, или стояли на ней. Она была вертикальная, часто со скошенным налево или направо углом, трапециевидная с сужением вниз. К ней прикреплялись таблички с датами рождения и гибели, керамические фотографии погибшего/погибших, поминальные надписи, конфессиональные знаки – крестик или полумесяц или советский знак – пятиконечная звезда – могли размещаться как на лицевой стороне стелы, так и на ее вершине. Иногда стела осложнялась прикрепленным на лицевую сторону рулем.

На смену ей в 1990-е приходит стела такой же формы, изготовленная из мраморной крошки с прямоугольным постаментом, правда, уже не только вертикальная, но и горизонтальная, с закругленным или шатрообразным верхом, с усеченным углом или двумя углами, а уже в 2000-е появляются мраморные и гранитные плиты, вертикальные и горизонтальные, правильной и неправильной формы. Вместо фотографий и табличек на них наносятся изображения, информационные и поминальные надписи, орнаменты и т.д. Верх плит также больше не используется для обозначения конфессии – православный крест или полумесяц остаются только на лицевой стороне кенотафа.

Почти полностью исчезает к 2000-м годам кенотаф в форме обелиска-пирамидки с крестом, полумесяцем или звездой на вершине – символом советской эпохи.

Разновидности поминального креста, как и разновидности стелы, также отражают исторические изменения, но не так явно, сохраняя и в 2000-е гг. ряд особенностей предыдущих десятилетий. Например, по-прежнему преобладают металлические кресты, хотя на смену простым, изготовленным из труб или пластин, пришли ажурные, сваренные из тонких металлических прутьев или арматуры. По форме это, прежде всего, восьмиконечные православные кресты (три перекладины), но встречаются, как среди кенотафов конца XX в., так и начала XXI в. латинский крест (одна перекладина – P80), шестиконечный крест (две перекладины – P80; P178; A151) и даже голубец (восьмиконечный с двускатной крышей – P80; латинский с одной перекладиной A151).

Разнообразны и оградки, выступающие как в функции одночастного кенотафа, так и в качестве элемента многочастного кенотафа. Во-первых, подавляющее большинство из них не имеют входа, что отличает их от оградок на сельских и городских кладбищах второй половины XX в. Во-вторых, их размеры не обусловлены, как на кладбищах, размерами могилы, поэтому часто представляют собой уменьшенную копию кладбищенской оградки или даже ее миниатюрную версию. Такой тип оградки особенно характерен для трассы A151 (Ульяновск–Канаш). Всего на ней зафиксировано 15 миниатюрных оградок, из них 9 – с православным маркером (крест или крестик на стеле), 5 – мусульманских (полумесяцы на оградке и табличке, на оградке и стеле, изречение из Корана на арабском на стеле), 1 – без конфессиональных маркеров. Такие же миниатюрные оградки встречаются эпизодически на трассе P178 (Саранск–Сурское), A151 (участок трассы Сызрань–Ульяновск), P174 (Йошкар-Ола–Чебоксары). Однако только на столбиках мусульманских оградок встречаются полумесяцы – один

(A151), два (A151), четыре (A151). Другой конструктивной особенностью мусульманских оградок является наличие на них табличек с информацией о погибшем, а иногда и изречением из Корана, и, как мы уже отмечали, отсутствие других доминант (стела, обелиск-пирамидка).

Многочастные кенотафы также обладают многообразием видов. Одним из них, несомненно, является мемориал. Определяя этот тип кенотафа, А. Соколова и А. Юдкина в качестве главных его признаков отметили наличие 5–10 элементов, сложное структурирование и оформление пространства

сакрального локуса, имеющего смысловой центр и периферию (Там же: 142). Однако применение этих признаков для выделения из многочастных кенотафов мемориалов порою вызывает большие затруднения. Во-первых, некоторые мемориалы состоят из ограниченного количества элементов. Например, мемориал на трассе Ульяновск–Казань (A151) фактически состоит только из двух элементов – беседки и стоящей рядом с ней стелы из черного мрамора. Организующим единое пространство элементом здесь является пол, вымощенный фигурной плиткой (рис. 5).

На трассе Казань – Йошкар-Ола (P175) мемориал состоит из трех элементов – красной кирпичной стены с табличкой и рядом стоящих столика и лавочки. Никакого внешнего оформления сакрального пространства, например, при помощи ограды, мощеного пола и т.п., здесь нет. По нашим наблюдениям, именно стена из красного кирпича с табличкой, с цветником, лавочкой и столиком, или с другими элементами, или без них часто придает кенотафу характер мемориала. Интересно, что на трассе Ульяновск–Казань находятся кенотафы-мемориалы, доминантой которых является именно стена из красного кирпича, поставленные в память не о погибших в автокатастрофе, а полицейских, “погибших при задержании вооруженных преступников” (P241), капитане полиции, который “погиб при исполнении служебного долга от рук вооруженных преступников” (P241). Отметим также, что четкий смысловой центр – это признак практически любого многочастного кенотафа, о чем подробнее будет сказано ниже.

Таким образом, из указанных двух признаков типобразующим является не количество элементов, а организация сакрального пространства, вторым же признаком у некоторых мемориалов можно считать наличие в качестве доминанты стены с табличками, фотографиями, поминальными надписями, различными символическими знаками, эмблемами. Поэтому мы бы предложили определять мемориал как разновидность многочастного кенотафа, обладающего сложной пространственной структурной и семантической целостностью. Например, указанный мемориал A151 включает в себя беседку и стелу, которые соединены в единое пространственное целое полом, выложенным фигурными плитками. Но если стела, на которой размещено изображение погибшего, даты рождения и гибели, поминальная надпись “Вечная память”, несет основную сакральную информацию, делает пространство смерти персонально значимым, то беседка предназначена для живых, приезжающих помянуть близкого человека. В то же время она обладает способностью включать в этот поминальный процесс любого человека. Значима в данном случае и семантика наименования объекта – беседка – от слов беседа, беседовать, т.е. общаться. Полностью функциональны

Рис. 3. Кенотаф-оградка. Фото И.С. Павлова

расположенные рядом со стелой ваза с цветами, отдельные букеты цветов, яблоко, две конфеты, а также букет цветов на одном из столбов беседки – все они связаны с традиционной практикой поминовения мертвых.

Что касается центра, или доминанты, мемориала, то, на наш взгляд, здесь нет принципиального различия с типом многочастного кенотафа. Во-первых, в любом многочастном кенотафе существует доминанта, в роли которой, как правило, выступает один из основных типов одночастного кенотафа (стела, крест, обелиск-пирамидка, камень). Во-вторых, в некоторых случаях, прежде всего в тех, где в качестве кенотафа выступают функциональные типы (венок, цветы, части машины), можно говорить о двух доминантах. Таковы, например, сочетание венка и цветов (A119; P80; P178; A151), венка и части автомобиля (P80), цветов и части автомобиля (P174). Возможен и такой случай, когда часть автомобиля – шина – перестает быть знаком катастрофы, т.е. как бы меняет семантику, когда используется в качестве цветника (P175) или нижней оградки для креста (С–ЙО; P80). Поэтому, на наш взгляд, проблема типоборазующих признаков многочастного кенотафа должна решаться с учетом как функционально-семантического аспекта составляющих его элементов, так и индивидуальных особенностей кенотафа, в том числе его пространственной организации.

Важнейшую роль в организации этого пространства играет оградка. В многочастном кенотафе она уже не только отдельный знак, обладающий самостоятельной семантикой, в данном случае – семантикой смерти, но еще и своеобразный способ выделения локуса и связывания в единое сложное целое частей кенотафа. Благодаря оградке таким целым становятся памятники, состоящие из двух самостоятельных кенотафов, посвященных как одному и тому же человеку, так и разным людям. Таков, например, кенотаф на трассе P241 (Ульяновск–Казань), состоящий из двух стел, одна из которых посвящена двум погибшим, а вторая – одному (P241), или кенотаф на той же трассе, у которого в общей оградке размещены два памятника, посвященные одному и тому же человеку, но при этом один – старый, изготовлен из жести, а второй – новый сделан из куска белого мрамора (P241). Такое обновление кенотафа, при котором старый не уничтожается, а остается вместе с новым, характерно и для городских и сельских кладбищ, когда там ставится временный деревянный крест, а через год водружается постоянный памятник, но крест при этом не убирается.

Отсутствие в подобных случаях оградки затрудняет определение того, что перед нами: многочастный кенотаф, состоящий из двух самостоятельных, или два разных кенотафа? Так, в частности, обстоит дело с кенотафом на трассе A151 (Сызрань–Ульяновск). Возле лесопосадки стоят два одинаковых деревянных креста, обвитые мишурой, не имеющие ни табличек, ни надписей (A151C–У).

Более сложный характер имеет пространство, когда два кенотафа, составляющие несомненное семантическое единство, отдалены друг от друга и внешне ничем не связаны. Так кенотаф на трассе P174 (Йошкар-Ола–Чебоксары) состоит из стелы с цветами, в пяти-шести метрах от которой на березе располагается венок и часть автомобиля, а под ней – лавочка (P174). Примерно также оформлен многочастный кенотаф возле трассы M7 (Чебоксары – Нижний Новгород), только часть автомобиля размещена не на дереве, а возле стелы, на дереве же располагается лишь букет цветов, и расстояние между этими двумя кенотафами гораздо больше, чем в предыдущем случае (M7). К такому же виду можно отнести кенотаф на той же трассе, состоящий из оригинальной пирамидки, сваренной из тонких труб и посаженной на толстую трубу, и букета цветов на березе рядом (M7). Такие многочастные кенотафы встречаются и на других трассах.

Зафиксировано размещение рядом двух кенотафов, посвященных разным людям, погибшим в одной катастрофе. Такое разделение может быть обусловлено конфессиональными различиями, как, например, на трассе A151 (Ульяновск–Канаш) рядом размещаются оградка с полумесяцами и маленькая оградка с небольшой стелой с вы-

гравированным православным крестом (А151). Иногда же два рядом стоящих кенотафа бывают связаны с разными автокатастрофами. Например, на трассе Р175 (Йошкар-Ола–Казань), где рядом стоят кенотаф-мемориал трагически погибшим в 2003 г. детям (Р175) и кенотаф молодому парню, погибшему в 2007 г. (Р175).

Большое значение в понимании своеобразия анализируемой традиции имеет месторасположение кенотафа. Среди всех выявленных случаев наиболее частым является установка кенотафов на обочине или около обочины трассы, в придорожной полосе, в лесопосадке или около нее, в лесной зоне, или около нее.

Понятно, что в некоторых случаях расположение кенотафа зависит от особенности местности, по которой проходит трасса. Так, например, преобладание расположения кенотафов в лесной зоне в на трассе Р175 (Казань – Йошкар-Ола), Р174 (Йошкар-Ола – Чебоксары), М7 (Чебоксары – Нижний Новгород) обусловлено тем, что здесь лес очень близко подходит к трассе. Однако выбор далеко не всегда может быть объяснен только характером местности. Так, например, на трассе Р241 (Ульяновск – Казань) встречается расположение кенотафов как на обочине (зафиксировано 10 случаев), так и в придорожной полосе (16 случаев), но гораздо реже в лесопосадке или около нее (1 случай); тогда как на трассе А151 (Ульяновск – Канаш) чаще всего кенотафы размещены в придорожной полосе (10 случаев), в лесопосадке или около нее (20 случаев), в лесной зоне, или около нее (11 случаев). На трассе Р178 (Саранск–Сурское) абсолютно преобладает размещение кенотафов вдоль или около трассы (28 случаев).

Менее часто встречается размещение кенотафов на отбойнике или за отбойником, в поле (Р241 – 2 случая), у заправки (Р241 – 2 случая; А151 – 1 случай), на скате холма (Р178 – 2 случая; А151С-У – 1 случай), на площадке отдыха (А151 – 1 случай), рядом с беседкой для отдыха (А151 – 1 случай).

В целом, можно сказать, что наблюдаются две тенденции – размещать кенотафы у трассы и в зеленой зоне или около нее (лес или лесопосадка) и переходная – размещать в придорожной полосе. Если при первой мы обнаруживаем стремление максимально приблизиться к месту гибели близкого человека, то во втором случае, с одной стороны, можно видеть желание уберечь кенотаф, дольше сохранить памятный знак о погибшем, а с другой, разместить его в соответствии с традицией кладбища, на котором важную роль играли деревья, как специально посаженные возле могилы, так и выросшие раньше. Эту тенденцию можно проследить и на кенотафах, которые или размещались непосредственно на дереве (Р174), или включали в свое пространство деревья, как, например, на трассе Санчурск–Йошкар-Ола, где две старые березы включены в кенотаф при помощи ограды (С–ЙО).

Надписи, размещаемые на кенотафах, также один из значимых признаков. Их можно разделить на три типа – информационные, поминальные и синтетические. Информационные – это надписи, содержащие сведения о погибшем и даты рождения и гибели или одну из этих дат. Например, “Л.А.С. 30.11.1983 07.07.2013” (Р80). Один раз только зафиксирована надпись, включающая название города, в котором жил погибший.

Рис. 4. Кенотаф-камень. Фото И.С. Павлова

Но помимо кратких информативных надписей возможны и развернутые, включающие в себя дополнительные сведения о погибшем, а также выражающие отношение близких, родных и знакомых к трагедии. “ЗДЕСЬ ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБ 26 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА О.А.В. ДОКТОР АРХИТЕКТУРЫ. ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРХИТЕКТОР РОССИИ ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР 1991 Г. ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ ПОСВЯТИВШИЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ДЕЛУ ВОСКРЕШЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА”³ (Р80). “ЗДЕСЬ МЕСТО ГИБЕЛИ ПАМЯТИ И СКОРБИ” (Р80). “Сей поклонный крест поставлен на месте гибели замечательного русского музыканта, гитариста, композитора Б.А.В.” (Р241). “Трагически погиб при перевозке пассажиров по маршруту АРБУЗОВКА–УЛЬЯНОВСК” (Р241). “Погибшим при задержании вооруженных преступников” (Р241). “4 февраля 2002 г. Погиб при исполнении служебного долга от рук вооруженных преступников” (Р241).

Поминальные надписи также могут быть нескольких видов – традиционные, встречающиеся на могильных памятниках и памятных знаках, и индивидуальные, очень часто в стихотворной форме. Примеры традиционной надписи: “УПОКОЙ, ГОСПОДИ, ДУШУ УСОПШЕГО РАБА ТВОЕГО” (Р80), “ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ” (Р80). Примеры индивидуальных: на кенотафе, посвященном погибшей девушке – “Только ты цветок небесный, // Ангел сказочной красы. // Нет прекраснее на свете // Юной девушки как ты. // Шаг за шагом Ангелочек // будем помнить мы тебя” (Р165). “И в час, когда мой след // во всех сердцах сотрётся, // лишь в этот страшный час // скажи, что умер я” (Р175).

Как уже упоминалось, отдельные типы придорожных памятников – например, мемориалы и кенотафы, близкие по внешнему виду к кладбищенским (т.е. с оградой, имитацией могильного холма и т.п.) – встречаются в основном вне городской черты. Можно предположить, что особое отношение формируется именно к тем кенотафам, которые располагаются в сельской местности – вдали от федеральных трасс. Обусловлено это несколькими причинами.

Во-первых, погибшие часто оказываются либо местными, либо их родственниками. В связи с этим многие жители близлежащих сел хорошо знают не только самих попавших в аварию, но и обстоятельства их гибели. Во-вторых, обычно число кенотафов рядом с селами не превышает двух-трех. Соответственно, они достаточно четко выделены из окружающего пространства, привлекают к себе внимание.

К примеру, единственный памятник, находящийся между селами Соловчиха и Дмитриевка Ульяновской области, расположен на возвышении среди открытого поля (жители называют это место “горой”). Пространственная выделенность, заметность кенотафа, его “единственность” обуславливает само сохранение и “ретрансляцию” памяти о произошедшей аварии: “Каждый же знает молодых этих людей, жалеет обязательно. Это, как вам сказать, хорошее дело. Необходимое. Иногда ведь бывает из памяти уходит, а это никогда уже” (ПМА 1: К.С.К.).

Все информанты (жители упомянутых сел), у которых мы спрашивали о кенотафе, знакомы с историей его появления. Рассказы, которые в этом случае воспроизводятся, включают в себя несколько обязательных составляющих: информанты указывают на то, кто именно разбился, часто при этом обозначается степень близости или знакомства погибших с информантом, называются родственные связи с другими односельчанами или социальный статус попавших в ДТП.

Например: “Ну, супруга племянник [погиб]. Вот директор школы там Галина – вот муж ее” (ПМА 1: М.А.К.). “Б. [фамилия] один, а другой-то С. [фамилия]. Чай, уж сколь – вот они небольшие ещё ребята [дети] были у него [у Б.]. А таперь уж в армию собираются” (ПМА 1: А.А.И.). “Там вот в совхозе был директор – вот его жена. С одной стороны. С другой стороны – на мотоциклах кто ехал. Соб.: Там двое молодых? Инф.: Да, да” (ПМА 1: К.А.К.).

Данная часть рассказа может сопровождаться попутными оценками личностей погибших, при этом имплицитно сообщается “степень вины” каждого из участников ДТП: “Это два алкоголика ехали отсюда. А Е. был у нас директором, с жёной своей ехал отсюда, и вот они в этой горе-то [столкнулись]...” (ПМА 1: Л.И.С.).

Также нередко описывается сама авария – иногда достаточно подробно, вплоть до сведений о том, кто куда ехал.

“Чай, два друга погибли. Три [погибших] как раз было – что вот встречная машина их сшибла – женщина ехала. Шестого марта ездили за цвятами: она тоже до смерти” (ПМА 1: М.А.К.).

“И вот они в этой горе-то – и на правую сторону заехали, – если едет, то по левую сторону, если едет – он по левой стороне едет, а они на правую сторону залезли. Сам-то Е. (фамилия) ничово, а её [жену] всмятку прям на месте. И сами-то они всмятку” (ПМА 1: Л.И.С.).

В завершающей части этих текстов (в ряде случаев – в ответ на специальные вопросы собирателей) сообщается об определенных ритуальных действиях, связанных с кенотафом. В частности, говорится о том, что делают, когда проезжают мимо придорожного памятника.

«Ну, обычно как – мимо не проедешь, обязательно перекрестишься, обязательно: “Ага!”, – обязательно вечную память. Обязательно скажешь, как и положено: “Помяни, Господи, как придут во Царствие твоё!”» (ПМА 1: К.С.К.).

“Чай, вон едем в церковь-то, а мать-то [погибшего] вот – тут с нами она всё ездит в церковь... Соб.: Едет в церковь – останавливается она? Инф.: Она не останавливается, а просто – и плачет, и помолится: кто будет останавливаться? Ведь заказываю эту – такси. Да. Молится да плачет. И на всю жизнь хватит: погиб молодой” (ПМА 1: А.А.И.).

Посещение родственниками памятника происходит либо от случая к случаю, либо – в день гибели: “Когда взгрустнется или когда вот пасли по очереди – то коров, то овец – обязательно вот туды [к кенотафу] ходили. А едем – там в сельсовет, там куды – всё время туды [заходили]” (ПМА 1: М.А.К.). “А венки – это родственники меняют. Вот. Соб.: Ну, а как они – с какой частотой меняют – раз в год? Инф.: Раз в год меняют – на его гибель. Как срок кончается – венок-то маленько уже пропадает, они приезжают и другой ставят венок” (ПМА 1: Л.И.С.).

Рис. 5. Кенотаф-мемориал. Фото И.С. Павлова

О том, что придорожные памятники посещают “по случаю”, свидетельствуют и записи, произведенные в другом регионе: возле одного из кенотафов в Татарстане мы наблюдали, как сын погибшего приехал к памятнику своего отца не к определенной дате (к примеру, связанной с календарно-религиозной традицией), а просто потому, что “так удобнее”.

Можно предположить – судя по некоторым свидетельствам – что пришедшие к кенотафу близкие и родственники ведут себя возле придорожных памятников так же, как это принято делать на кладбище. Территория возле кенотафа убирается, с погибшим “общаются”, оставляют возле кенотафа подношения.

Ср.: «Ну, чай, как: поплачешь там, попричитаешь чё-нибудь [возле памятника]. Соб.: А вот как на кладбище не говорите: “Здравствуй, пришёл я...” – вот так вот не говорили? Инф.: Всё говорим, всё говорим» (ПМА 1: М.А.К.). “А вот я иду – тоже вот: или конфетку положу, или чё. Вот. Помолюсь там” (ПМА 1: М.Г.С.).

С упоминавшимся выше памятником, который расположен между Соловчихой и Дмитриевой, связан еще один любопытный эпизод, встречающийся во многих записанных текстах. Дело в том, что местный председатель совхоза, муж погибшей в аварии женщины, в свое время также поставил ей кенотаф. Иными словами, “на горе” между селами ранее располагалось два придорожных памятника. Однако спустя два-три года председатель его убрал. Некоторые рассказчики объясняют данный шаг тем, что сам он “уехал в город”, другие и вовсе не могут объяснить этого поступка.

“Не знаю, почему [убрал кенотаф]. Они схоронили её тут, вот я говорю – у дороги кладбище-то. Ну, и как не посчитал нужным – убрал этот памятник, там стояли тоже цветы всегда, щас нет их никого” (ПМА 1: К.С.К.). “Он [председатель] уехал и памятник убрал. Соб.: Он сам убрал? Инф.: Сам убрал. А её схоронили в Сызранском. У него там сестра жила – вот её там схоронили. А так-то он из Ульяновска” (ПМА 1: М.А.К.).

Надо сказать, что ДТП далеко не всегда “завершается” установкой кенотафа. Однако можно допустить, что эта установка считается желательной. Сравните, например, такое высказывание: “Соб.: А вот этот Петя, который погиб, ему там памятник придорожный поставили или нет? Инф.: Нет. Просила-просила мать другого сына [а он так и не поставил]” (ПМА 1: Л.И.С.).

Причины того, почему именно устанавливаются или не устанавливаются кенотафы, вероятно, достаточно разнообразны. В некоторых случаях конкретный выбор может мотивироваться суеверными представлениями.

“Соб.: И вы памятник не стали придорожный ставить [после гибели двоюродного брата рассказчицы]? Инф.: Нет, потому что недалеко от этого места, на другой стороне дороги, уже случилась авария, там есть памятник. И когда напротив друг друга ставят памятники, то дорога окольцовывается – знак того, что здесь будут ещё аварии” (ПМА 1: А.И.С.).

Временной промежуток между похоронами тела погибшего на кладбище и установкой кенотафа варьируется: многое и здесь, вероятно, зависит от конкретных обстоятельств. К примеру, памятник по дороге из Соловчихи в Дмитриевку появился через неделю после похорон. Некоторые рассказчики сообщают, что кенотаф устанавливают фактически сразу после аварии: сначала место обозначается живыми или искусственными цветами (венком), затем ставят памятник. Впрочем, подобная “эволюция” совсем не обязательна: до установки чего-то большего, чем венок, дело может и не дойти (правда, венок может ежегодно обновляться – о чем нам, например, рассказывали в селе Ореховка Ульяновской области).

Таким образом, как мы показали в статье, тип кенотафа, выбор места его размещения, представления и поминальные практики, связанные с ним, весьма многообразны, обладают региональной, конфессиональной и исторически обусловленной

спецификой. И, пожалуй, самое важное, – это и по сей день живая, самостоятельная и самобытная социально-культурная традиция, в которой сложно переплелись традиционные похоронно-поминальные обычаи и верования и современные культурные и ритуальные практики⁴.

Примечания

¹ См., напр., (Щепанская 2003: 40–43; Чередникова 2003: 87).

² О приватизации как процессе перехода в “безраздельную частную или групповую собственность управленческого персонала” отдельных фрагментов “системы управления, каналов информации и принятия решений” писал в свое время П. Щедровицкий (Щедровицкий 1995).

³ При цитировании сохраняется своеобразие орфографии и пунктуации надписи.

⁴ Авторы благодарят за помощь в реализации проекта И.С. Павлова, А.Ю. Цухлова.

Литература и источники

ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции Е.В. Сафронова в Радищевский район Ульяновской обл., авг. 2013 (информанты: М.А.К., 1938 г.р.; А.А.И., 1932 г.р.; К.А.К., 1933 г.р.; Л.И.С., 1939 г.р.; К.С.К., 1929 г.р.; М.Г.С., 1928 г.р.; А.И.С., 1980 г.р.).

Соколова, Юдкина 2012 – Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 137–151.

Чередникова 2003 – Чередникова М.П. Культура трассы: Автостоп в России // Современный городской фольклор. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. С. 86–97.

Щедровицкий 1995 – Щедровицкий П. В поисках формы // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания // [Электронный ресурс]: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/schedr.htm>.

Щепанская 2003 – Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: “Индрик”, 2003.

M.G. Matlin, E.V. Safronov. Cenotaphs as a Contemporary Form of Objectivization of Memory of the Dead

Keywords: contemporary funeral ritual, sacralization of space, memorial signs, cenotaphs, memorials

The article aims at exploring a wider variety sources, refining the typology of cenotaphs, examining their religious and regional specificities as well as particularities of notions and practices related to funeral services, and analyzing the factors that shaped the new stage in the development of the phenomenon during the mid-1990s. The study draws on field research conducted by the authors during the three field trips undertaken in July and August 2013.